

Ирина Самсонова

Былое

Посвящаю моему отцу -
Романову Валентину Сергеевичу

Юля приехала в Политехнический музей на встречу с любимым поэтом. До начала оставался почти час, и она решила пройтись по Ильинскому скверу. Москва шуршала автомобилями по мокрому шоссе. Юля остановилась полюбоваться альпийской горкой, декоративные растения, умытые дождем, изумрудами сверкали на солнце. Чёрным силуэтом в лучах закатного солнца высился обелиск. Она знала, что это памятник героям Плевны и подошла к нему поближе. Обойдя восьмигранную часовню, прочитала: «Гренадёры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной 28 ноября 1877года». На гранях четыре горельефа. Попыталась вспомнить что-нибудь из истории этого события, но всё показалось таким далёким.

Юля присела на скамейку. Мужчины оглядывались на неё. Она знала, что красива, привыкла к оценивающим взглядам, но делала вид, что не обращает на это никакого внимания.

В конце сквера появилась фигура пожилого человека. Он шёл неуверенной, шаркающей походкой. Поравнявшись со скамейкой, на которой сидела Юля, остановился и попросил разрешения присесть рядом. Юля сказала:

- «Пожалуйста». - Отодвинувшись к краю скамейки, она продолжала смотреть в сторону памятника.

Старик сухопарый и очень высокий, одетый щеголевато в светлые брюки и серую ветровку, крикнув, сел рядом. Обернувшись, Юля встретилась с замутнёнными катарактой карими глазами. Прямой нос, породистое удлинённое лицо интеллигента. Обратила внимание на слуховой аппарат за ухом.

- Вы смотрели на памятник героям Плевны? Мой отец был участником боёв в русско-турецкой войне. Возведение памятника было при его жизни. Да-а, - протянул старик и закашлялся затяжным кашлем курящего человека, потом продолжил. - Он мне много рассказывал об этих событиях.

Тут только Юля поняла, что это было совсем недавно, на веку её деда.

- Что вам рассказывал отец? – оживилась она.

- Он служил в Московском гренадёрском корпусе. Да-а, под Плевной были бои и осада. Турки не хотели сдавать город. Много наших тогда полегло за освобождение болгар от османского ига. 18 офицеров и 542 солдата Гренадёрского корпуса отдали жизни за это правое дело.

Офицеры и солдаты, приехав через год в Москву, стали собирать средства на сооружение памятника, по сути, первого памятника Неизвестному солдату. Его должны были установить в Болгарии, но не сумела Россия закрепить своё влияние. На болгарский престол был возведён немецкий принц, который стал проводить прогерманскую политику. - Старик надолго закашлялся. - Вот памятник и остался в России. Мне кажется, в этом памятнике сохранилась душа моего отца, памятник будто живой. Я часто прихожу сюда, благо живу здесь неподалёку, на Солянке. Из окна моей комнаты видна церковь Всех Святых на Кулишах Вы, надо думать, знаете кто архитектор памятника, возле которого вы проходили?

- Нет. Я попыталась вспомнить, но не смогла.

- Архитектор Шервуд. Ему принадлежит и проект Исторического музея. Да, кстати, памятник собрали вначале в Нескучном саду, на обозрение москвичей, которые и поддержали установку его в Москве. Отец рассказал мне много историй, связанных с этим памятником. Какое торжественное было открытие! Толпы людей шли к скверу. Он тогда назывался Лубянский. Шатры для генералов и офицеров поставили здесь, прямо в сквере. Погода была ненастная. Гренадёр выстроили лицом к памятнику. Да я вас совсем заговорил. Это, наверное, интереснее было бы мужчине слушать, а я надоедаю молодой женщине. Разрешите поинтересоваться, вы идёте в музей? Ожидаете начала встречи с поэтом? У вас ещё есть время?

- Ещё полчаса до начала, - сказала Юля, посмотрев на часы, и подумала, что старику, видно, не с кем пообщаться, он хоть со мной наговорится. Возникла щемящая мысль: «Уйдут из жизни эти московские старики. С ними целый мир, который уже не возратить, как Атлантиду».

- Рассказать вам об одном вечере в этом музее в революционный год? - спросил старик. - Вам это никто не расскажет. Как говорят, из первых уст. Знаете ли, в минуты тяжёлых жизненных условий, я вспоминаю один прекрасный вечер, проведённый в Москве. Я военный, как и отец. Да и мои сыновья тоже были кадровыми офицерами.

Были, - подумала Юля, - видно, пережил старик своих детей.

- Так вот, с 11 марта по 2 мая 1917 года был я в неофициальном отпуске, - продолжил он. - Не помню, какого числа это было, прочёл раз в трамвае афишу, что на этих днях будет в Политехническом музее благотворительный вечер, устраиваемый Партией «народной свободы». Участвуют видные артисты, и из них на первом месте – артистка Московского Художественного театра Гзовская и балерина Большого театра Балашова. Решил попасть на этот вечер. Доехав до музея, купил в 13 ряду билет за 7 рублей. Когда я вошёл, народу было полно. Нашёл своё место и прочитал программу. Было уже 8 часов, публика стала волноваться, хлопать в ладоши. Вот появился студент-распорядитель с большим красным бантом и говорит: «Первый номер! Знаменитая артистка Малого театра - Ермолова!» Гром аплодисментов. Выходит Ермолова.

Я ещё скажу для пополнения картины: зал - это большая аудитория. Сцена открытая. Вся она убрана красными плакатами с лозунгами Партии «народной свободы». Стоит большая концертная рояль – вот и всё. Публика – золотая молодёжь, большинство студенты, курсистки и мало военных. Вот почему я предвкушал, что с этими зрителями концерт должен пройти великолепно. Любил быть такой одной единицей в этой интеллигентной молодёжи.

Ермолова говорила про зарю новой жизни, про лазурную свободу, про тот вихрь, который вмиг смыл всю грязь, и озарил красным солнцем новую страну - Россию... Она закончила свой номер и сделала лёгкий полупоклон своей седой головой. Гром аплодисментов служил лучшей наградой талантливой, заслуженной, маститой, нашей дорогой старой артистке Ермоловой. На бис она ещё продекламовала два коротких стихика и под гром аплодисментов закончила свой номер.

Вышла Гзовская, она меня очаровала своим дивным голосом, красотой и той игрой, какая редко у кого может быть. Вот и сейчас перед моими глазами она стоит, величавая в своей грациозной красоте, и говорит, говорит, с каждым словом очаровывая слушателя. Я был заморожен до такой степени, что очнулся когда весь зал гремел от аплодисментов. Она стояла с немного

разрумянившимися щеками, кивая своей прекрасной головой. В глазах появилось больше алмазного блеска, и на устах слабая улыбка. Она прекрасная, и я был счастлив, что мог лицезреть её. – По лицу старика разлилось блаженство. Он видел себя молодым и был счастлив в эту минуту.

- Вы видели Гзовскую, которая играла в «Розе и кресте» Блока и, работая над ролью, часто встречалась с Блоком? Вы рассказали об этой известной актрисе, которую видели юношей? - оживлённо спросила Юля.

- Да, конечно, о ней, несравненной. Её стали настойчиво вызывать. Она вышла и согласилась рассказать «Чёртовы качели»...

Снова потекли чарующие звуки из прекрасных уст ея, она захватила внимание всего зрительного зала. Наступила мертвая тишина. Жуткое трепещущее ощущение чего-то сверхестественного, чего-то неземного, божественного стал ощущать я под впечатлением ея слова. Она увлекает! Какая грация!

Старик долго кашлял, достал носовой платок, провёл им по лицу. Потом продолжил.

- Я как будто заснул, стал мечтать, и так прекрасно было на душе, я улетал в волшебный мир грёз. В её словах действительно качались эти чёртовы качели. То поднимались, то опускались, то снова поднимались, то снова опускались. Будто сам сидишь на них, и тебя качает чёрт, и так захватывает душу, когда подлетаешь под небеса, замираешь, опускаясь в какую-то пропасть...

Раздался гром аплодисментов, снова неопикуемый восторг зрительного зала. Она произвела фурор!... Я хотел броситься к ней в ноги. Я был счастлив!

Лицо старика сияло, морщинки разгладились.

- Боже милостивый, вы мне, болтливому старику, столько времени уделите. Пожалуй, можете опоздать на встречу. Честь имею.

Предвечерний час в Москве звучал, как орган. Воздух, наполненный влагой, вибрировал. Окна здания, протянувшегося вдоль сквера, блестели, как пенсне строгого учителя.

- Я вам благодарна за рассказы. С вами очень интересно, но мне пора.

С этими словами Юля быстро встала и направилась в сторону музея, пройдя несколько шагов, оглянулась. Скамейка была пуста. В аллее старика тоже не было. «Как видение», - подумала она.

С тех пор, если Юля бывала в этом районе, она обязательно проходила по скверу, в надежде снова увидеть старика. Но...это так и не случилось. В памяти остались рассказанные им истории, покашливание курящего человека и запах его одеколлона.